

ГИПЕРБОЛ, «ЧЕЛОВЕК НЕГОДНЫЙ»*

Повествуя о событиях лета 411 г. на Самосе, связанных с олигархическим переворотом в Афинах, Фукидид вкратце описывает обстоятельства смерти афинского политика Гипербола: Καὶ Ὑπέρβολόν τε τινα τῶν Ἀθηναίων μοχθηρὸν ἄνθρωπον ὠστρακισμένον οὐ διὰ δυνάμεως καὶ ἀξιώματος φόβον ἀλλὰ διὰ πονηρίαν καὶ αἰσχύνην τῆς πόλεως ἀποκτείνουσι μετὰ Χαρμίνου τε ἐνὸς τῶν στρατηγῶν καὶ τινῶν τῶν παρὰ σφίσιν Ἀθηναίων πίστιν δίδόντες αὐτοῖς... «И некоего Гипербола, человека негодного, изгнанного афинянами остракизмом не из-за страха перед его могуществом или достоинствами, но из-за его испорченности и из-за того, что был позором города, убили [самосцы], действуя заодно с Хармином, одним из стратегов, и несколькими его сораотниками, чтобы дать афинянам залог верности» (Thuc. VIII. 73.3.).

Это – единственное упоминание популярного политика в труде Фукидида. Крайне негативное отношение историка к демократическим политикам радикального толка общеизвестно (в конце концов ведь именно Клеону Фукидид был «обязан» своим изгнанием), и то, что Фукидид ставит Гиперболу в вину «испорченность, низость» (πονηρία) и называет его «позором города», на первый взгляд, неудивительно. Современные исследователи неоднократно обращали внимание на то, что в рассматриваемом пассаже единственный раз, и именно применительно к Гиперболу историк использует эпитет μοχθηρός – «негодный»¹. Совершенно естественно, что этот фукидидовский *harax legomenon* привлек внимание специалистов. Однако при более внимательном рассмотрении выясняется, что из всех описанных им политических лидеров поνηρία Фукидид ставил в вину также исключительно Гиперболу.

Такое обилие негативных эпитетов заставляет задуматься о том, чем же Гипербол так не угодил знаменитому историку? Ведь Фукидид был изгнан из Афин в начале политической карьеры Гипербола, и нет никаких свидетельств об их личной вражде. В конце концов даже своего личного врага Клеона Фукидид называл «самым неистовым из граждан» (βιαότατος τῶν πολιτῶν) (Thuc. III. 36. 6) и демагогом (ἀνὴρ δημαγωγός), которому верило большинство (τῷ πλήθει πιθανώτατος) (Thuc. IV. 21. 3), но никогда не μοχθηρός или поνηρός. Можно, конечно, предположить, что в последних книгах своего труда, написанных на исходе жизни, Фукидид изменил свои взгляды и более сурово стал относиться к вождям демоса. Однако сиракузский демагог Афинагор, о котором идет речь в шестой книге, описывается буквально как двойник Клеона, почти теми же словами (Thuc. VI. 35. 2)².

Исследователями уже неоднократно было отмечено, что лексика фукидидовской характеристики Гипербола почти полностью восходит к лексике комедиографов³. В комедиях Аристофана многократно используется слово поνηρός и производные от него. Это слово использовалось комедиографом для характеристики множества персонажей и прежде всего политических деятелей, которых принято называть демагогами или «новыми политиками»; в их числе был, конечно, и Гипербол. Однако поνηρός подчеркивает не только отрицательные качества персонажа, но также их живой ум, ловкость, которые приносят удачу⁴. Именно поνηρία принесла Гиперболу

* Публикация статьи осуществлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках проекта «Становление гражданского общества в древности» (код проекта 96-01-00508).

¹ См., например: *Westlake H.D. Individuals in Thucydides*. Cambr., 1968. P. 13; *Baldwin B. Notes on Hyperbolus // Acta classica*. Cape Town, 1971. 14. P. 151.

² На это обратил внимание Уэстлейк (op. cit., p. 10).

³ Ibid. P. 13; *Baldwin*. Op. cit. P. 151; *Gomme A.W., Andrewes A., Dover K.J. A Historical Commentary on Thucydides*. V. V. Oxf., 1981. P. 258.

⁴ На это обратил внимание С. Уитман, как и на то, что в целом значение этого слова положительно и в современном греческом языке. См. *Whithman C.H. Aristophanes and the Comic Hero*. Cambr. Mass., 1964. P. 29 f.

богатство (Aristoph. Nub. 1065 sq.), именно в этом качестве должен превзойти Клеона Колбасник, чтобы помочь старику Демосу (Aristoph. Eq. 178 sqq., 336 sqq.).

Напротив, слово *μοχθηρός* имеет однозначный пейоративный оттенок. Оно встречается у Аристофана десять раз, и пять раз встречается производное от него существительное *μοχθηρία*⁵. Два раза *μοχθηρός* прилагается к неодушевленным предметам: в «Лисистрате» (Lys. 576) и во «Всадниках», когда Колбасник обвиняет Клеона в том, что тот готов продать негодный (*μοχθηρός*) товар, гнилую кожу, за добротный (Eq. 316). Трижды оно используется как обращение к другому персонажу (*ὦ μόχθηρε* – «о, негоднейший (несчастнейший)» – Acharn. 165; Ran, 1175; Plut. 391)⁶, один раз герой обращает его к себе самому (Av. 493).

Два раза *μοχθηρός* имеет обобщающий смысл и характеризует группу людей. Дикееполь в «Ахарнянах» говорит о том, что в Афинах есть людишки (*ἀνδράκια*) негодные, бесчестные и т.п. (Acharn. 517 sqq.)⁷; характерно, что определение *μοχθηρός* связано здесь с доношением (сикофантией). А в «Лягушках» Эсхил говорит о том, что Еврипид превращает добропорядочных и благородных в наивысшей степени негодных (*μοχθηρότατοι*) (Ran. 1011). В «Плутосе» Хремил характеризует одного из персонажей как «не негодного» (*τὶς οὐ μόχθηρός ἦν*) (Plut. 1003).

Наконец, во «Всадниках», в «разговоре триер» *μοχθηρός* единственный раз прилагается к реальному историческому лицу, и это реальное историческое лицо – Гипербол:

Φασὶν αἰτεῖσθαί τιν' ἡμῶν ἑκατὸν εἰς Καρχηδόνα
ἄνδρα μόχθηρόν πολίτην ὄξινον Ὑπέρολον.
Не слышали ли, сестрицы, новых сплетен городских?
Для похода к Карфагену сотню требует из нас
Злополучный полководец, кислый уксус, Гипербол.

(Aristoph. Eq. 1302 sqq. Пер. А. Пиотровского)

Гипербол назван «мужем негодным, гражданином прокисшим (сварливым)». В дополнение к характеристике Гипербола как политика (достаточно тривиальной) Аристофан характеризует его человеческие качества, причем, очевидно, самым уничижительным образом. *Μοχθηρός* – эпитет, часто применяемый к неодушевленным предметам, и потребовалось пояснение (*ἀνὴρ* у Аристофана, *ἄνθρωπος* у Фукидида), чтобы «подтвердить» его использование для характеристики человека⁸.

Чем же заслужил Гипербол такое отношение? Случайно ли то, что он стал первым «негодным человеком» среди афинских политиков?

Судьба известного афинского демагога, активная политическая деятельность которого пришлось на середину Пелопоннесской войны, волновала историков как древних, так и современных, прежде всего в связи с концом остракизма. Уникальность этого политического института затмила индивидуальность политика, а сильная антидемагогическая и антидемократическая тенденция наших источников привела к умалению реального значения Гипербола в афинской политической жизни. В работах последних десятилетий заметно стремление отойти от сложившейся «генеральной ли-

⁵ Показателен пассаж из «Лягушек», поздней комедии Аристофана (405 г.) – в ней Предводитель мистов отрицательно характеризует некоего народного лидера, Архидема, который взывает к народу (*δημαγυεῖ*) и верховодит всяким сбродом (*μοχθηρία*) (Ran. 419 sqq.).

⁶ Cf. *Plat. Phaedr.* 268e.

⁷ Эти обвинения считались достаточно сильными; во всяком случае Аристофан дважды подряд (!) подчеркивает, что не говорит о городе в целом (*οὐχὶ τῆν πόλιν λέγω*) (Acharn. 515 sq.). Очевидно, комедиограф пытался застраховать себя от обвинения в оскорблении демоса.

⁸ Следует отметить, что *μοχθηρός* встречается (правда, очень редко) и в надписях, но более позднего времени. Наиболее показательна надгробная надпись начала II в. н.э. из Внешнего Керамика (IG II². 11552), в которой говорится, что покойный избежал жалкой человеческой жизни (*λιπόντα τὸν μόχθηρόν ἀνθρώπων βίον*) – стк. 3).

нии», но Гипербол часто рассматривается исследователями как бы вне социально-политического контекста, сам по себе.

Что мы знаем о Гиперболе? На первый взгляд, немало. Имя Гипербола как автора дополнения к афинскому декрету содержит надпись 418/7 г. (IG I³. 85.6 sqq. = SEG XII. 32. 6 sqq.), а несколько более ранняя (421/0 г.) очень плохо сохранившаяся надпись свидетельствует о его интересе к организации религиозных празднеств (IG I³. 82). Уже найдены и опубликованы три острака, содержащие его имя и относящиеся к последней афинской остракофории⁹. Комедиографы – современники Гипербола – не обделили его своим вниманием. Гипербол упоминается по имени в семи комедиях Аристофана, поставленных в Афинах в промежутке между 425 и 405 г.¹⁰ Аристофан был далеко не единственным: он сам указал на Евполида, Фриниха и Гермиппа как на своих соперников в обличении Гипербола, «обокравших» самого Аристофана и использовавших лишь плоские шутки (Nub. 550 sqq.). Комедиограф Платон (fr. 166–172 Kock) посвятил свою пьесу нападкам на популярного лидера и озаглавил ее «Гипербол». К хору нападков на Гипербола присоединились Евполид (fr. 364 Kock), Кратин (fr. 196 Kock) и Левкон (fr. 1 Kock). И это только в дошедших до нас фрагментах! Оратор Андокид следует за комедиографами в осуждении Гипербола (fr. 5 Blass).

Фукидиду, имевшему основания не любить демагогов, не удалось сохранить высокомерное молчание¹¹, и он был вынужден описать уже если не остракизм, то убийство Гипербола на Самосе в 411 г., поскольку оно повлияло на ход событий олигархического переворота (Thuc. VIII. 73. 2 sq.). Для современников Гипербол был одним из простатов демоса, демагогом – последователем Клеона. Таким же было и восприятие Гипербола Псевдо-Андокидом¹², Исократом (De race 75) и Феопомпом (FGrH 115 F 95, 96).

Зато вся более поздняя античная традиция интересовалась Гиперболом преимущественно как последней жертвой остракизма. Здесь не место рассматривать традицию об остракизме в целом; очевидно, что этот своеобразный политический институт, покрывшись благородной патиной времени, стал представляться потомкам как рафинированное средство борьбы благородных политиков. Использование этого «чистого» элемента политической борьбы против «низменного» Гипербола привело к исчезновению самого остракизма. Таков подход к Гиперболу в жизнеописаниях Плутарха (остракизм Гипербола упоминается в биографиях Аристида, Никия и Алкивиада).

Не находят доброго слова для Гипербола ни Лукиан, объединяющий Гипербола с Клеоном (Timon 30), ни Элиан, который перечисляет Гипербола – наряду с Клеофонтом и Демадом – в числе простатов демоса (Var. hist. XII. 43). Позднейшая традиция добавляет к биографии Гипербола фантастические детали: апофеозом становится бегство (изгнание?) Никия от Гипербола у Гимерия (Himer. Orat. XXXVI. 63).

На первый взгляд может показаться, что источников для реконструкции биографии и взглядов Гипербола немало. Однако они весьма отрывочны и концентрируются вокруг двух проблем: остракизма Гипербола и осуждения его как демагога. Соответственно отрицательное отношение древних авторов к Гиперболу затрудняет вос-

⁹ Phillips D.J. Observations on Some Ostraka from the Athenian Agora // ZPE. 1990. 83. S. 123–148; Mattingly H.B. The Practice of Ostracism at Athens // Antichthon. 1991. 25. P. 24 f.

¹⁰ «Ахарняне», «Всадники», «Облака», «Осы», «Мир», «Женщины на празднике Фесмофорий», «Лягушки».

¹¹ Которое, очевидно, повлияло на Аристотеля. В «Афинской политике» Гипербол не упоминается в перечне простатов демоса: следующим после Клеона простатом демоса назван Клеофонт (Ath. pol. 28.2 sqq.).

¹² «Четвертая речь Андокида», направленная против Алкивиада, является, вероятно, риторическим выражением, написанным от лица Феака, политического деятеля – современника Гипербола, в самом конце V или в самом начале IV в. до н.э. См. Rosivach V. Some Fifth and Fourth Century Views on the Purpose of Ostracism // Tyche. 1987. 2. S. 162 ff.; Rhodes P.J. The Ostracism of Hyperbolus // Ritual, Finance, Politics. Athenian Democratic Accounts Presented to David Lewis / Ed. R. Osborn, S. Hornblower. Oxf., 1994. P. 91.

создание объективной картины его жизни и деятельности. Гипербол упоминается практически во всех трудах по истории Афин, но посвященных ему исследований немного (интерес к этой фигуре вырос в последние десятилетия), а отечественные ученые специально не занимались им вовсе. основополагающие факты жизни и деятельности Гипербола были изложены еще в написанной Свободой биографии политического деятеля в энциклопедии Паули-Виссова¹³. Происхождение Гипербола рассмотрено в известной просопографической энциклопедии классических Афин Дейвиса¹⁴, его биографии посвящено несколько страниц в комментариях на «Историю» Фукидида Гомма, Эндрюса и Довера¹⁵, а также в истории Пелопоннесской войны Доналда Кэгена¹⁶. Характеристику Гипербола как афинского демагога (в связи с влиянием на него Клеона) дает в своей известной монографии об афинских «новых политиках» У.Р. Коннор¹⁷. Датировку последнего афинского остракизма подробно рассмотрели Х. Нойман¹⁸, Ч. Фукуа¹⁹ и Г. Леман²⁰, его направленность характеризует в работе В. Розивача²¹, находки острака последних лет были проанализированы Г. Маттинли²², П. Брюн изучил причины неприязненного отношения к Гиперболу в позднейшей традиции²³, некоторые детали жизненного пути политика были проанализированы Б. Болдуином²⁴, а фундаментальная статья П. Родса «Остракизм Гипербола» как будто бы расставила, если не все, то многие точки над *i* в вопросе о том, какими причинами было вызвано и когда именно произошло прекращение практики остракизма в Афинах²⁵.

Таким образом, в общих чертах биография Гипербола уже написана современными исследователями²⁶. Однако продолжают споры о месте и значении Гипербола в афинской политической жизни. Для нас Гипербол интересен прежде всего как политическая фигура переходного периода от «старого» типа политического лидерства к «новому», которое в источниках обычно определяется как всевластие демагогов; на этот же период (конец V – начало IV в. до н.э.) приходится и начало употребления слова *ῥήτορας* для обозначения афинских граждан²⁷. В нашем исследовании мы постараемся выделить Гипербола из ряда других радикальных политических лидеров Афин, показать его место и значение в эволюции взаимоотношений политических лидеров и демоса в классических Афинах.

Гипербол, сын Антифана, из дема Перифоиды (*ὑπερβόλος Ἀντιφάνου Περιφοίδης*), был скорее всего аттического происхождения (в пользу этого свиде-

¹³ *Swoboda*. *Hyperbolos* // RE. Bd IX. Hlbd 17. 1914. Sp. 254–258. К сожалению, статья в новом кратком издании этой энциклопедии, в сущности, лишь повторяет устаревшие точки зрения: *Kie Fr. Hyperbolos* // *Re Kleine Pauly*. Bd II. Lief. 12. 1966. Sp. 1274.

¹⁴ *Davies K.J.* *Athenian Propertied Families, 600–300 B.C.* Oxf., 1971. P. 517 (№ 13910).

¹⁵ *Gomme, Andrewes*. *Dover*. Op. cit. P. 257 ff.

¹⁶ *Kagan D.* *The Peace of Nicias and the Sicilian Expedition*. Ithaca – London, 1981.

¹⁷ *Connor W.R.* *The New Politicians of Fifth-Century Athens*. Princeton, 1971. P. 29 f., 79 ff., 145 f.

¹⁸ *Neumann H.* *Die Politik Athens nach dem Niciasfrieden und die Datierung des Ostrakismos des Hyperbolos* // *Klio*. 1936. Bd 29. Ht 1. S. 36–49.

¹⁹ *Fuqua Ch.* *Possible Implications of the Ostracism of Hyperbolus* // *TAPhA*. 1965. 96. P. 165–179.

²⁰ *Lehmann G.A.* *Ueberlegungen im Peloponnesischen Krieg: vom Ostrakismos der Hyperbolos zum Thragelion 411 v. Chr.* // *ZPE*. 1987. 69. S. 33–73, особенно 41 f.

²¹ *Rosivach*. Op. cit. S. 161–170.

²² *Mattingly*. Op. cit. P. 1–25, особенно 24 f.

²³ *Brüne P.* *Hyperbolos, la création d'une «légende noire»* // *Dialogues d'histoire ancienne*. 1987. 13. P. 183–198.

²⁴ *Baldwin*. Op. cit. P. 151–156.

²⁵ *Rhodes*. Op. cit. P. 85–98.

²⁶ К сожалению, мне не удалось познакомиться с работами Ф. Камона (F. Camon) в «*Rivista di studi classici*» (1961. 9. P. 186 f.), а также в «*Giornale italiano di filologia*» (1963. 16. P. 46–59, 143–162), однако его точку зрения приводят У. Коннор и Фр. Ки.

²⁷ *Карлюк С.Г.* «ῥήτορας» от Эсхила до Аристотеля: история слова в контексте истории афинской демократии // *ВДИ*. 1995. № 4. С. 31–50.

тельствует его исконно аттическое имя²⁸). Упреки в варварском и даже в рабском происхождении, неоднократно бросавшиеся в его адрес авторами комедий и ораторами²⁹, очевидно, были несправедливыми. Их многочисленность, впрочем, наводит на мысль о принадлежности родителей Гипербола к тем слоям гражданства, которые сами не пытались проникнуть в политическую элиту Афин. То, что Гипербол в первую половину своей жизни успешно занимался производством светильников (очевидно, он был хозяином соответствующей мастерской – см. Aristoph. Eq. 1315; Pax 690: Гипербол прямо называется *λυχνιοποιός*, и т.д.), свидетельствует о том, что он имел представление об организации ремесленного производства. О богатстве семьи Гипербола свидетельствуют и обвинения в ростовщичестве, которые Аристофан бросал матери демагога (Thesm. 840 sqq.). Однако его родители (или он сам) выбрали для него политическую карьеру. Гипербол получил какое-то риторическое образование: об этом свидетельствуют и косвенные данные (политический успех в Афинах был практически невозможен без риторической подготовки), и прямое указание в комедии «Облака»: Сократ приводит как пример успех Гипербола, который выучил все риторические ухищрения, заплатив талант за обучение (Nub. 876). Конечно, нужно принимать во внимание комедийное преувеличение, но целью Аристофана было высмеять алчных софистов, так что сам факт получения Гиперболом риторического образования вряд ли мог быть простым вымыслом.

Основные вехи первой половины политической карьеры Гипербола можно реконструировать по комедиям и прежде всего по комедиям Аристофана³⁰. Политическая карьера Гипербола началась в период Архидамовой войны, когда после смерти Перикла на политическую арену выходит целая плеяда «новых политиков» (среди которых были и Клеон, и Никий). Гипербол фигурирует уже в комедии Кратина «^εΩραϊ» (fr. 262 Kock), поставленной в период между 428 и 426 г.³¹, а также в ранней комедии Аристофана «Ахарняне», поставленной на Ленеи 425 г., в перечне более или менее известных политиков. Характерно, что хор радуется Дикеополю известием о том, что Гипербол его больше уже не засудит (Acharn. 846 sq.). В поставленной через год комедии «Всадники» упоминается уже конкретное предложение Гипербола. Его лозунг «идти на Карфаген» периода первой сицилийской экспедиции 427–424 гг. едко высмеял Аристофан в «разговоре триер» (Eq. 1302 sqq.).

Насколько далеко простиралось комическое преувеличение Аристофана, мы не знаем, но очевидно активная поддержка Гиперболом афинской экспансии на запад, воплотившейся в первой сицилийской экспедиции (см. Thuc. III. 86, 88, 90 sqq.). Вообще исследователи осторожно относятся к этой ремарке Аристофана, отмечая, что из нее следует лишь то, что Гипербол поддерживал как войну в целом, так и западное направление афинской экспансии³². Характерно, что это предложение Гипербола было лишь повторением и конкретизацией предложения Клеона, на что может указывать другой пассаж из «Всадников» (Eq. 174).

Комедия «Всадники» свидетельствует, что Гипербол был уже к 424 г. одним из виднейших афинских политиков: он удастивается длинной отповеди (Eq. 1300–1314), «награждается» эпитетом *μοϋθηρός* (Eq. 1304) и уже выделяется из ряда других демагогов (Eq. 1359 sqq.). Карьера Гипербола была (и станет) обычной для радикального афинского политика: сначала следовало привлечь внимание сограждан выступлениями в суде, а затем уже переходить к радикальным внешнеполитическим призывам (благо обстановка Пелопоннесской войны этому способствовала).

²⁸ Феопомп, в противоположность другим источникам, дает неверное имя его отца – Хремет. Подробнее об этом см. Davies. Op. cit. P. 517. Имя матери Гипербола – Докώ (Schol. Aristoph. Nub. 552).

²⁹ Платон называл его иностранцем (*ξένος*) (fr. 166 Kock) и лидийцем (fr. 170 Kock). В Schol. Aristoph. Pax 692 Гипербол назван сирийцем, а оратор Андокид охарактеризовал его как *ξένος καὶ βάρβαρος* (fr. 5 Blass).

³⁰ Хронология комедий Аристофана: Dover K.J. Aristophanic Comedy. L., 1972. P. 13 f.

³¹ Swoboda. Op. cit. Sp. 255.

³² См. Gomme, Andrewes, Dover. Op. cit. P. 257.

Комедия «Облака», поставленная на Великие Дионисии 423 г., застаёт Гипербола на пике своей популярности. Он становится настолько популярной мишенью для афинских комедиографов, что Аристофану пришлось защищать свое «первородство» в критике Гипербола (Nub. 550 sq.). Именно здесь Гиперболу очевидно ставится в вину и бесчестно нажитое (διὰ ποιηρίαν) богатство (Nub. 1065 sq.), и риторическое образование, полученное благодаря этому богатству (Nub. 876). Возможно, что именно в этот период Гипербол исполнял триерархию: намеки на это содержатся в более поздней комедии Аристофана «Женщины на празднике Фесмофорий» (Thesm. 837 sq.). Гипербол приобрел к этому времени уже все необходимые атрибуты публичного афинского политика, в их числе и исполнение обязанностей секретаря «священного посольства» (ἑρομνησθεῖν), что вызвало нападки за незнание религиозного календаря (Nub. 623 sq.). Насмешки и издевки комедиографов означали только одно – как политик Гипербол находился уже «в обойме», и с ним приходилось считаться.

Однако Гипербол был обречен оставаться «вечно вторым», в тени Клеона. Клеон был наиболее известным политическим лидером радикального крыла, и именно он направлял в то время политику Афин. Об этом свидетельствует и следующая комедия Аристофана «Осы», поставленная на Ленеи 422 г. Здесь лишь однажды упоминается Гипербол как обманщик народа (Vesp. 1006 sq.), вся же комедия посвящена высмеиванию именно Клеона; суть пьесы – в споре между Бделиклеоном и Филоклеоном.

Гибель Клеона в 422 г. должна была вывести Гипербола в лидеры радикалов. В аристофановском «Мире», поставленном на Великие Дионисии 421 г., в перечне афинских политиков Гипербол занимает наивысшее положение:

(Гермес) На Пниксе кто сейчас владеет кафедрой?

(Тригей) Гипербол свил гнездо себе на месте том.

Но что с тобою? Вертишь головой зачем?

(Гермес) Да, отвернулась (богиня Эйрене. – С.К.). Ей презренен город ваш

За то, что проходимца вожаком избрал.

(Тригей) За ним никто и не идет. Но город наш

Сейчас остался без опеки, сир и гол,

И с горя проходимцем препоясался.

(Aristoph. Pax 680 sq. Пер. А. Пиотровского)

Именно Гипербол в 421 г., по мнению Аристофана, κρατεῖ ἄν τὸ τοῦ λίθου τοῦ'ν τῆ πικί (Pax 680), т.е. был главным оратором радикально и агрессивно настроенной группировки³³. Неудача для Гипербола состояла в том, что эта группировка в данной конкретной ситуации оказалась оттеснена на второй план, а вместе с ней и Гипербол (Pax 920 sq.). Очевидно, что Гипербол лишился поддержки афинского демоса, который желал мира со Спартой (Pax 1318 sq.). Об этом же пишет и Фукидид.

Следующая по времени сохранившаяся комедия Аристофана «Птицы» была поставлена в 415 г., так что в наших письменных источниках есть существенная лакуна, которую можно восстановить только используя косвенные данные.

Однако Гипербол продолжал играть заметную роль в афинской политической жизни. В 420 или в 419 г. была поставлена комедия Платона «Гипербол»³⁴. Гипербол становится членом Совета пятисот: сомнения по поводу законности его избрания туда высказал комедиограф Платон (fr. 156)³⁵. Его активность распространялась и на религиозную сферу. Конечно, в этом отношении Гиперболу трудно было тягаться с

³³ Не случайно Гипербол занимает «камень на Пниксе»: камень, угрожающий разбить горшок с миром, для Аристофана, возможно, является символом войны (Whitman. Op. cit. P. 111).

³⁴ Swoboda. Op. cit. Sp. 256.

³⁵ Участие в работе Совета пятисот давало больше возможностей политику для выдвижения разнообразных инициатив (Родс П.Дж. Кому принадлежала власть в демократических Афинах? // ВДИ. 1998. № 3. С. 18 сл.).

известным своим богатством Никием³⁶, однако, судя по косвенным свидетельствам, Гипербол принимал деятельное участие в религиозных церемониях: об этом свидетельствуют и его назначение ἱερομύμων – секретарем, ведающим отношениями Афин с Дельфийской амфикионией (Aristoph. Nub. 623 sq.), и то, что именно он выдвинул предложение относительно порядка проведения Ἡφαίστια, афинских празднеств в честь Гефеста (IG I³. 82)³⁷. Несмотря на утверждения некоторых исследователей о том, что Гипербол избирался также и стратегом³⁸, для подобного заключения нет никаких серьезных оснований.

Однако именно в начале 410-х годов новый политический лидер радикального толка привлек внимание афинян. Этим лидером был Алкивиад. Как и Гипербол, он выступал за активную внешнюю политику и за возобновление войны со Спартой. Он поддерживал свою популярность громкими победами в Олимпии в 416 г. (Thuc. VI. 16. 2; Plut. Alcib. 11). И если до нас не дошли сведения о внешнеполитической активности Гипербола в это время (что характерно), то Алкивиаду удается собрать антиспартанскую коалицию, а после поражения войск коалиции в битве при Мантинее Алкивиад обращает свой взор на запад, в сторону Сицилии. Ему, молодому и талантливому аристократу, афиняне доверяют больше, чем Гиперболу, давно уже пропагандировавшему это направление афинской экспансии.

Против Сицилийской экспедиции выступает Никий, сторонник мира и умеренной политики. Столкновение этих двух подходов, очевидно, и стало причиной остракофории, за которую афинское народное собрание проголосовало впервые после длительного перерыва. Датировка этой остракофории, ставшей последней, – вопрос дискуссионный.

Дата остракизма Гипербола обычно исчислялась исходя из фрагмента Феопомпа (FGH 115 F 96b), который можно интерпретировать таким образом, что Гипербол погиб на Самосе через шесть лет (или на шестой год) после своего остракизма³⁹. Однако реконструированная А. Вудхедом надпись свидетельствует о политической активности Гипербола в конце 418/7 г.: Гипербол внес предложение, касающееся проверки расходования средств, потраченных в пританию филы Эантиды (IG I³. 85.5 sqq.)⁴⁰. В надписи содержится упоминание о постановлении народного собрания (стк. 5), имя внесшего предложение Гипербола (стк. 6). С достаточно большой долей вероятности восстанавливается имя архонта 418/7 г. Антифонта (стк. 12), а притания филы Эгеиды, которая также упоминается в надписи (стк. 10), завершала афинский гражданский год. Таким образом, в 418/7 г. Гипербол не мог быть изгнан остракизмом⁴¹. Наиболее вероятная датировка остракизма – 417/6 год⁴², возможен также и 416/5 год⁴³, хотя это

³⁶ Примерно в это же время Никий проводит знаменитое «очищение Делоса» (Plut. Nic. 3).

³⁷ Начало этой надписи сохранилось крайне фрагментарно, но исследователи тем не менее восстанавливают имя архонта Аристиона (сткк. 3, 5), позволяющее датировать ее 421/0 годом, а также – по первым трем буквам и весьма гипотетически – имя внесшего предложение Гипербола (стк. 5). Надпись – посвятельная (на стк. 1 восстанавливается [θ]ε[ο]λ[ι], касающаяся организации комиссии для проведения жертвоприношений (θυσία) (сткк. 17 слл.), награждения победителей состязаний и т.п.

³⁸ В 425/4 г. (Kie. Op. cit. Sp. 1274). Между прочим, все десять стратегов этого года известны, и среди них нет Гипербола. См. Fornara Ch.W. The Athenian Board of Generals from 501 to 404 (Historia. Einzelschriften. Ht 16). Wiesbaden, 1971. S. 59. У.Р. Коннор (op. cit., p. 82) более осторожно говорит о возможной стратегии Гипербола в начале 420-х годов. Однако свидетельства в пользу этого очень поздние и ненадежные (Schol. Aristoph. Acharn. 346 et Pax 1319); к тому же Фукидид не упоминает о какой-либо деятельности Гипербола в качестве военного командира.

³⁹ Шесть лет – это годы с 417/6 до 412/1 включительно. См. Kagan. Op. cit. P. 145. Возможен также вариант, что эти шесть лет охватывают годы с 416/5 до 411/0 включительно.

⁴⁰ Woodhead A.G. // Hesperia. 1949. 18. P. 78–83. См. также Rhodes. Op. cit. P. 86 f.

⁴¹ Мнение Х. Ноймана (op. cit., S. 36 ff), настаивавшего на этой дате, основывается лишь на предложении о связи остракизма Гипербола с политической активностью Алкивиада в Пелопоннесе.

⁴² Gomme, Andrewes, Dover. Op. cit. P. 258 ff.

⁴³ Raubitschek A.E. Theopompos on Hyperbolos // Phoenix. 1955. 9. P. 122–126; Sealey R. A History of the Greek City States. Berkeley, 1976. P. 353. К этой дате склоняется также и П.Дж. Родс, хотя он и признает возможность датирования предыдущим годом (The Ostracism... P. 91).

уже слишком близко к дате отплытия Сицилийской экспедиции. Следует также отметить, что народное собрание принимало решение о необходимости остракофории в шестую пританию (Arist. Ath. pol. 43.5), а само голосование осуществлялось в восьмую пританию (Phil. FGrH 328 F 30), в конце афинского гражданского года. Так что остракизм Гипербола был осуществлен весной 416 или весной 415 г. В любом случае это ставит его в контекст дебатов о Сицилийской экспедиции, красочно описанных Фукидидом (VI. 8 sqq.): афинский флот в направлении Сицилии вышел из Пирея в середине лета 415 г. (VI. 30. 1).

Троекратно повторенный Плутархом, с некоторыми вариациями, рассказ об остракизме Гипербола (Arist. 7; Nic. 11; Alcib. 13)⁴⁴, несомненно, в общих чертах вполне соответствует действительности: даже его сомнения о том, Никий или Феак вступил в сговор с Алкивиадом, находят подтверждения в острака, на которых фигурируют как тот, так и другой⁴⁵. Народное собрание высказалось за остракофорию, очевидно, потому, что необходимо было сделать ясный выбор между экспансионистской политикой Алкивиада и умеренными взглядами Никия. Можно вполне обоснованно предположить, что инициатором или, во всяком случае, горячим сторонником подобного решения был Гипербол. Резоны его вполне понятны: при удалении с политической арены Алкивиада Гипербол сам становился главным выразителем радикально-экспансионистских воззрений и мог претендовать на безусловное лидерство; впрочем, ничего Гипербол не терял и при возможном изгнании Никия, проводника совершенно противоположного политического курса. Однако главный удар был направлен все-таки против Алкивиада. Алкивиад был более «подходящей» жертвой для остракизма: его аристократическое происхождение, вызывающее поведение и «тиранические замашки» (Thuc. VI. 15. 4; [Andoc.] IV. 25 sqq.) делали его, на первый взгляд, идеальной кандидатурой для изгнания.

Однако только на первый взгляд. Гипербол был активным, но не слишком дальновидным политиком. Он не учел настроений сограждан, которые устали от войны и желали ее окончания если не путем мира (этот путь был уже опробован и отвергнут), то путем чудесной сокрушительной победы. Алкивиадовская пропаганда похода на Сицилию была крайне успешной, гораздо более успешной, чем гиперболовская. И это Гипербол признавать не желал. Афиняне не хотели «безличного» одобрения Сицилийской экспедиции, они слишком «страстно желали» завоевать Сицилию (Thuc. VI. 24. 3 sq.), и им нужен был харизматический лидер. На роль такого лидера мог претендовать Алкивиад, но никак не Гипербол.

Не учел Гипербол и уровень политического мышления Алкивиада. Между голосованием о назначении остракизма и собственно остракофорией – промежуток около 70 дней. Алкивиад максимально использовал этот период. Конечно, в Афинах не было каких-либо организованных политических партий⁴⁶, и нет никаких сведений о том, что существовало какое-либо формальное обсуждение кандидатур на остракизм⁴⁷.

---

⁴⁴ Плутарх использовал самые разнообразные источники: исторические труды Фукидида и Феопомпа, сочинения комедиографов, из которых он называет по имени Платона, а также произнесенную от имени Феака речь, известную как четвертая речь Андокидова корпуса.

⁴⁵ А также некоторые другие политические деятели. По последним данным, из относимых к этой остракофории 26 черепков на восьми начертано имя Клеофонта, сына Клиппида, из Ахарн, известного демагога, по пять содержат имена Алкивиада и Феака, на трех черепках написано имя Гипербола и на одном – Никия (*Mattingly*. Op. cit. P. 24). Значительное число черепков с именем Клеофонта может свидетельствовать о его популярности в тот период: он «наступал на пятки» Гиперболу.

⁴⁶ Свидетельство Плутарха (Nic. 11. 5) о сговоре сторонников Никия и Алкивиада описывает партии (политические группировки) в широком смысле этого слова. Однако Плутарх жил через пять веков после описываемых событий и переносил на классические Афины реалии своего собственного времени. См. *Hansen M.H.* The Athenian Assembly: in the Age of Demosthenes. Oxf., 1987. P. 76.

⁴⁷ Мнение В. Розивача (op. cit., S. 162) о том, что перед остракофорией произносились специальные речи, – лишь предположение.

Однако речь, приписываемая Андокиду и произнесенная от лица Феака (одного из возможных кандидатов на изгнание), говорит о том, что в народном собрании могли обсуждаться (а точнее – осуждаться) потенциальные жертвы остракизма. Как было отмечено, нет никаких оснований полагать, что специальное заседание экклесии могло быть посвящено обсуждению кандидатур на изгнание остракизмом. Однако афинская политическая практика предоставляла достаточно возможностей для критики и осуждения того или иного политического деятеля. Даже если эта речь, известная как Псевдо-Андокид IV, и была риторическим упражнением, сам факт его появления свидетельствует о том, что через полтора десятилетия после последнего остракизма в Афинах помнили о горячих дебатах, развернувшихся по этому поводу. Конечно, и Алкивиад и его сторонники не преминули обрушиться на Гипербола. Подвергался критике и сам Алкивиад, причем с совершенно разных сторон.

И тут вступал в силу еще очень важный фактор, который не принял во внимание Гипербол. После остракофории сначала подсчитывалось общее количество черепков (для признания ее состоявшейся было необходимо, чтобы их было больше шести тысяч), а затем уже черепки раскладывались поименно, и изгнанным считался набравший простое большинство голосов⁴⁸. Чем больше кандидатов на остракизм (а в последней остракофории их было по крайней мере шесть), тем меньше голосов может понадобиться для того, чтобы отправить в изгнание того или иного политика. И в данном случае большую роль играют закулисные соглашения между лидерами политических группировок. Трудно сейчас проверить истинность сообщения Плутарха о сговоре Алкивиада и Никия; вряд ли Никий мог рассматриваться как основная мишень. Но осторожный политик, всегда опасавшийся афинского демоса (см., например, Thuc. VII. 8. 2; 48. 3), вполне мог захотеть застраховаться и договорился с Алкивиадом.

Беда Гипербола была в том, что он не смог вообразить себя жертвой остракизма. Гипербол считал, что быть подвергнутым остракизму может только «благородный», т.е. тот, чье влияние независимо от воли демоса. Так считал не только сам Гипербол, таково было общественное мнение. В том же русле мыслил и современный Гиперболу противник демократии, автор Псевдо-Ксенофоновой «Афинской политики»: «Таких должностей, которые приносят спасение, если заняты благородными людьми, и подвергают опасности весь вообще народ, если заняты неблагородными, – этих должностей народ вовсе не добивается; он не находит нужным получать по жребию должности ни стратегов, ни гиппархов. И правда, народ понимает, что получает больше пользы, если эти должности не исправляет сам, а предоставляет их исполнять наиболее могущественным людям» ([Xen.] Ath. pol. I. 3; пер. С.И. Радцига). Таким образом, анонимный олигарх резонно полагал, что наиболее ответственные должности должны занимать «благородными», и соответственно ответственность (в том числе и возможность быть изгнанным остракизмом) лежит на них, т.е. на политических лидерах старого образца.

Но именно 30–20-е годы V в. стали переломными в политической жизни Афин, именно в это время в афинской политической жизни важную роль начинают играть демагоги, политические лидеры новой формации, происходившие из средних слоев общества и апеллировавшие к демосу⁴⁹. Демагоги вместе с претензией на власть должны были приобретать и ответственность за нее.

Итак, политическая комбинация, инициатором которой был, несомненно, Алкивиад, а непосредственными участниками – Феак или Никий (либо оба вместе), удалась. Гипербол был изгнан. Современные исследователи вслед за Фукидидом,

⁴⁸ Ср. *Plut. Arist. 7; Hansen. Op. cit. P. 17 f.*

⁴⁹ Вопрос о том, насколько Клеон и его последователи продолжали политическую практику времени Перикла и в чем была новизна их политической линии, обсуждается до сих пор. После известной книги У.Р. Коинора (op. cit.) как будто бы установилось мнение о «новом типе» афинских политиков после Перикла. Однако см., например, противоположное мнение: *Сахненко Л.А. Демагог Клеон // ВДИ. 1991. № 4. С. 80 сл.*

Плутархом и другими античными авторами часто задаются вопросом, почему именно Гипербол стал последней жертвой остракизма. Однако тот факт, что до Гипербола в течение более чем четверти века никто из афинских политиков не был изгнан остракизмом и, возможно, весь этот период народное собрание не вотировало остракофорию⁵⁰, заставляет поставить на первое место другую проблему: почему именно в 416 (или в 415) г. была сделана попытка возродить этот институт?

Остракизм Гипербола можно поставить в один ряд с избранием десяти пританов после Сицилийской катастрофы. Чрезвычайные обстоятельства, вызванные разгромом афинского экспедиционного корпуса в Сицилии, привели к чрезвычайным мерам (Thuc. VIII. 1. 3). Пританы заменили в какой-то степени стратегов (многие популярные политики погибли, а многие утратили свой авторитет)⁵¹. Обстоятельства 416 г. были не столь чрезвычайными, но афиняне решили испробовать «старое» средство политической борьбы для «новых» нужд. Результат оказался неожиданным, и попыток больше не было.

Остракизм 416 (или 415) г. стал выбором не между двумя политическими линиями (агрессивная – умеренная), а между двумя выразителями агрессивной линии (и Алкивиад, и Гипербол выступали за афинскую экспансию на запад). Поэтому остракизм Гипербола – но только после осмысления его результатов – показался афинянам неприемлемым⁵². В остракизме «второй – лишней». Если же лишним оказывался третий (Гипербол), то сам инструмент становился ненужным.

Меняются и нормы поведения политиков: при всем морализаторстве Плутарха в его сетованиях на деградацию афинских политиков имелось некое рациональное зерно. Обвинения Гипербола в сикофангии и прочем свидетельствуют о новых «этических нормах» для афинских политиков конца V в. до н.э. Стало очевидным, что в новых условиях для устранения неугодных демосу политических лидеров более эффективны другие средства. Не случайно первое упоминание и о применении *графе параномон* относится приблизительно к 415 г.⁵³

А что же после остракизма Гипербола? Афинянам было не до него, и один перечень событий 416–412 гг. говорит в пользу подобного мнения. Осквернение герм и последовавшие вслед за этим репрессии, начало Сицилийской экспедиции, бегство Алкивиада, Сицилийская катастрофа, Декелейская война – кому был интересен изгнанный демагог? К тому же, как указывает Фукидид, афиняне после неудачи Сицилийской экспедиции разочаровались в политиках, выступавших за нее (Thuc. VIII. 1. 1). А ведь Гипербол был одним из них. Гипербол исчезает и из комедий Аристофана, а это самый верный индикатор: его имя не упомянуто ни в «Птицах», поставленных на Великие Дионисии 414 г., ни в «Лисистрате», поставленной на Ленеи 411 г. Однако вряд ли сам демагог оставил всякую надежду вернуться в афинскую политическую жизнь. В пользу этого свидетельствует выбор Самоса как места изгнания. Мы не знаем, отправился ли Гипербол на Самос сразу после остракизма или переместился туда впоследствии; однако выбор Самоса, места концентрации эки-

⁵⁰ Нет ни одного достоверного свидетельства ни письменной традиции, ни эпиграфического о каком-либо осуществленном остракизме после изгнания Фукидида, сына Мелесия в 443 г. См. *Rosivach*. Op. cit. S. 163.

⁵¹ *Kagan D.* The Fall of the Athenian Empire. Ithaca – London, 1990. P. 5; *Карпюк С.Г.* Никий: доблесть политика // ВДИ. 1994. № 3. С. 55.

⁵² «Остракизм как институт был предназначен для того, чтобы предоставить афинскому населению возможность выбора между политическими линиями и выдвигающими их политическими лидерами, но когда Гипербол предложил в 416 г. остракофорию, это был не тот случай» (*Fuqua*. Op. cit. P. 177). Впрочем, В. Розивач на основе анализа комедий и речи Псевдо-Андокида пришел к выводу, что главной целью остракизма был *κόλασις* – устранение лица, которое могло представлять опасность для демократии либо которое вело себя вызывающе по отношению к своим согражданам (op. cit., p. 166). Следует, однако, учитывать специфичность нападок авторов комедий и риторическую направленность Псевдо-Андокида.

⁵³ *Hignett C.* A History of the Athenian Constitution. Oxf., 1952. P. 210 ff.

пажей афинских военных кораблей, показателен. Гипербол хотел оставаться как можно ближе к *κατὰ τὸν ὄχλον* – среде, которая ему была близка.

Наконец, о Гиперболе вспоминают. Сначала в театре, походя. Аристофан в «Женщинах на празднике Фесмофорий», поставленных на Великие Дионисии в конце марта 411 г., вкладывает в уста предводителя хора рассуждение о дифференциации почестей для афинских матерей, в котором мать Гипербола недвусмысленно осуждается:

Распустив на плечи кудри, ростовщица здесь сидит.
Рядом с матерью Ламаха. Поступить бы с нею так:
Если станет, в долг ссудивши, требовать она прирост,
Отобрать насильно деньги и сказать при этом ей:
«Не видать тебе прироста, ты уroda родила!»

(Aristoph. *Thesm.* 840 sqq.; пер. Н. Корнилова под ред. К. Полонской)

Но вспоминают о нем также и яростные противники демократии. В 412–411 гг. на Самосе разворачивается острая внутривнутриполитическая борьба, *στάσις*, которая переплетается с олигархическим переворотом в Афинах, – ведь Самос был главной базой афинского военного флота (см. *Thuc.* VIII. 21. 25. 1, 48, 72 sqq.)⁵⁴. Гипербол пал жертвой этой борьбы. Фукидид сообщает, что под влиянием Писандра и сторонников олигархии в Афинах группа из примерно 300 самосцев совершила убийство сторонников демократии на острове. Убийство же Гипербола произошло, очевидно, по инициативе одного из афинских стратегов, Хармина, в июне 411 г. (*Thuc.* VIII. 73. 2 sq.). У Хармина были скорее всего личные причины, чтобы свести счеты с Гиперболом. Однако убийство Гипербола на Самосе было в какой-то мере символическим актом. Политического лидера «добрых старых Афин» достаточно было изгнать остракизмом. Демагога необходимо было уже и уничтожить, что и произошло с самим Гиперболом. В IV в. политических лидеров пытались устранить посредством судебного разбирательства, а конец Пелопоннесской войны стал периодом проб и ошибок на переходе к новому типу политической борьбы. Именно в этот период под колесо афинской истории попал и демагог Гипербол.

Мало кто сожалел о его участии: посмертная слава Гипербола имела скорее скандальный оттенок. В комедии «Лягушки», поставленной на Ленеи 405 г., действие происходит в подземном царстве. Торговки, обвинившие Диониса в мелкой краже, клещут на помощь Клеона и Гипербола (*Ran.* 569 sqq.). И Гипербол здесь снова в тени своего предшественника. Клеон явно поставлен на первый план: он назван простатом (*Ran.* 570), да и упомянут вторично несколькими строками ниже (*Ran.* 577).

В чем же заключается новизна политической линии Гипербола, или Гипербол был только продолжателем «линии Клеона»? Каковы были взаимоотношения Гипербола с демосом? В чем причина особой предвзятости наших источников по отношению к Гиперболу? Кроется ли она в его происхождении, поведении, или здесь сыграли роль иные факторы? Постараемся ответить на эти вопросы, насколько позволяют наши источники.

Традиция рисует Гипербола как продолжателя методов Клеона, но не как продолжателя его успехов. В перечне простатов демоса Гипербол фигурирует нечасто. Даже у Аристотеля – не без влияния Фукидида – имя Гипербола не упомянуто, и следующим после Клеона «простатом демоса» назван Клеонфонт (*Ath. pol.* 28. 3). Клеон же всегда оставался на видном месте. Гипербол же, по мнению современников, отличался особой «низостью». Именно его обвиняли в доноситечестве (сикофантии), именно к нему (и только к нему!) Аристофан и Фукидид прилагали эпитет *μοχθηρός* –

⁵⁴ Подробный анализ событий на Самосе дан в книге Д. Шипли, которому, однако, так и не удается проследить (из-за недостатка источников) все перипетии сложной внутривнутриполитической борьбы на Самосе (*Shipley G. A History of Samos 800–188 BC. Oxf., 1987. P. 123 ff.*). Очевидно, что Фукидид «переносил» на Самос реалии афинской политической борьбы, и те, кого Фукидид называет самосскими демократами (VIII. 73. 2), не обязательно были таковыми на самом деле.

«жалкий, негодный», именно его обвиняли в «низости, испорченности» (πονηρία)⁵⁵, называли «позором города» (αἰσχύνη τῆς πόλεως)⁵⁶. Фукидид прямо указывает: Гипербол был изгнан не из-за страха перед его силой и достоинствами (διὰ δυνάμεως καὶ ἀξιωματος φόβου), но исключительно из-за его низости и из-за того, что он был позором города (διὰ πονηρίαν καὶ αἰσχύνην τῆς πόλεως) (Thuc. VIII. 73. 3). К тому же его происхождение считалось сомнительным, да и его мать высмеивали за занятие ростовщичеством.

Резкие выпады против демагогов не были редкостью. Но случайно ли именно к Гиперболу прилагает единственный раз употребленный им эпитет μοχθηρός Фукидид? Случайно ли Аристофан называет Гипербола в добавление к характеристике его политической деятельности (πολίτης ὀξύνης) также и ἀνὴρ μοχθηρός, т.е. человеком недостойным (Aristoph. Eq. 1304)?

Гипербол был достаточно популярен, но был «вечно вторым», всегда оказывался в тени: Клеона – в начале своей политической карьеры, Алкивиада – в конце ее. В тот короткий период (с 422 по 420 или 419 г.), когда Гипербол господствовал на ораторском возвышении на Пниксе – κρατεῖ ἰὼν τοῦ λίθου τοῦν τῆ πυκί (Aristoph. Pax 680), т.е. был во главе радикально настроенной группировки, агрессивная внешняя политика не пользовалась поддержкой большинства афинских граждан. Гипербол исполнял различные должности и литургии (возможно, даже триерархию), но нет ни одного ясного свидетельства о том, что он когда-либо был стратегом⁵⁷. Афиняне не доверяли ему настолько, насколько Клеону, и предпочли вручить бразды правления Сицилийской экспедицией более популярному Алкивиаду и более опытному Никию.

Изгнание Гипербола в результате последней афинской остракофории 416 или 415 г. оказалось совершенно неожиданным прежде всего для самого демагога. Гипербол пал жертвой политического сговора. Этот остракизм подвергся осуждению афинского общественного мнения по причине «низости» Гипербола, что нашло отражение в комедии Платона, которую цитирует Плутарх⁵⁸:

Хоть кару он (Гипербол. – С.К.) и принял поделом,
Ее с клеймом его никак не совместить.
Не для таких, как он, был создан остракизм.

(Пер. М.Е. Грабарь-Пассек)

Другой причиной стала бесполезность данной остракофории для решения основного политического вопроса: быть или не быть экспедиции в Сицилию. Очевидно, уже после остракизма Гипербола было окончательно решено, что и Никий, и Алкивиад возглавят Сицилийскую экспедицию.

Отношение самого Гипербола к афинскому демосу и правилам политической борьбы мало отличалось от отношения его современников. Он не слишком выделялся своим происхождением (впрочем, и Никий, и Клеон, и Клеофонт были выходцами из той же самой среды владельцев ремесленных мастерских), риторическими приемами

⁵⁵ Политический противник Гипербола Алкивиад в переговорах с олигархами соглашался управлять Афинами не на основе πονηρία καὶ δημοκρατία (Thuc. VIII. 47. 2).

⁵⁶ См. Siewert P. Accuse contro i «candidati» all'ostracismo per la loro condotta politica e morale // L'immagine dell'uomo politico: vita pubblica e morale nell'antichità / Ed. M. Sordi (Contributi dell'Istituto di storia antica. V. 17). Milano, 1991. P. 12.

⁵⁷ Не считая экстраординарного командования под Пилосом, Клеон определенно был стратегом в 424/3 г. (Aristoph. Nub. 581 sqq.) и в 423/2 г. (Thuc. V. 2. 1); см. об афинских стратегах этого времени более подробно: Fornara. Op. cit. S. 59 ff. Предположение о стратегии Клеона в 422/1 г. лишь на основании FGrH 324 F 40 (ibid., S. 62) кажется нам сомнительным. Хотя имена стратегов периода с 422/1 по 419/8 г., за исключением Никия и Алкивиада, нам неизвестны, нет оснований считать, что афиняне могли доверить стратегию в этот сложный для государства период явно неискушенному в военном деле Гиперболу.

⁵⁸ Plut. Nic. 11. Впрочем, на найденных черепках не обнаружено никаких эпитетов, сопровождающих имя Гипербола.

(очевидно, его язык был более понятен большинству граждан, хотя риторическое образование он и получил) и пропагандой экспансионистской внешней политики. До нас не дошло сообщений о каких-либо важных инициативах Гипербола во внутриполитической сфере, если не считать какого-то конкретного предложения о проверке расходования средств в IG I³. 85.

Политиков, подобных Гиперболу (а возможно, и его самого), охарактеризовал Фукидид в речи Алквиада перед спартацами. Алквиад противопоставил умеренную политику, проводимую им самим и осуществлявшуюся ранее родом Алкмеонидов, политику покровительственного руководства демосом (ἡ προστασία ἡμῖν τοῦ πλῆθους – VI. 89. 4) противоположной политической линии: «Другие, которые были раньше и которые есть и теперь, вели толпу к низменному; они-то меня и изгнали» (ἄλλοι δ' ἦσαν καὶ ἐπὶ τῶν πάλαι καὶ νῦν οἱ ἐπὶ τὰ ποιηρότερα ἐξῆγον τὸν ὄχλον· οἷπερ καὶ ἐμὲ ἐξῆλασαν – Thuc. VI. 89. 5). Среди этих других был и Гипербол. Важным отличием его от других политиков было то, что он не занимал каких-либо важных государственных постов (если не считать таковым членство в Совете пятисот). Но, подобно другим политикам, он продолжал действовать вполне традиционно – через суд и народное собрание. А возможность (и необходимость) действовать напрямую у него была. Как раз та самая ναυτικός ὄχλος, которой столь боялись олигархи (Thuc. VIII. 72), – экипажи кораблей афинского флота, состоявшие и из граждан, и из неграждан, – концентрировалась на Самосе, где (случайно ли?) находился в изгнании Гипербол. Нет никаких сведений о том, что Гипербол пытался каким-либо образом повлиять на настроение этой массы (что успешно сделал впоследствии Алквиад). Гипербол остался в старых рамках политической борьбы; он оказался беззащитен и был убит. Гипербол, последний изгнанный остракизмом афинянин, оказался единственным из всех изгнанных остракизмом, который был убит во время ссылки.

Гипербол внес важное новшество в афинскую политическую жизнь, точнее – в этику политической борьбы в Афинах. Он стал первым общепризнанным «негодным человеком, негодяем» в афинской политической элите. Его, в отличие от Клеона, современники никогда не называли демагогом. Как и многих других радикальных политиков, Гипербола неоднократно обвиняли в ποιηρία (ср. [Xen.] Ath. pol. I. 5: ἀμαθία, ἀταξία и ποιηρία характерны для демоса и объясняются автором памфлета бедностью), но именно его и только его современники называли μοχθηρός. Гипербола тянуло к толпе, к ναυτικός ὄχλος, но он не смог перейти последнюю грань и остался в рамках традиционных политических институтов. Трансформация значения слова μοχθηρός напоминает изменение значения слова ὄχλος: и то и другое слово именно к концу V в. приобретают пейоративный оттенок и начинают активно использоваться для характеристики политической жизни. Эти изменения могут рассматриваться как косвенное свидетельство перемен в политической жизни Афин.

Гипербол не заслужил сочувствия в последующей традиции, являя для нее лишь поучительный пример «неправильного» использования остракизма, а также взлета и падения «низкого» человека в политике. Гипербола несправедливо вспоминали преимущественно за то, в чем он – против своего желания – оказался последним: изгнанным остракизмом. В чем же Гипербол был первым? За Клеоном – вслед за Фукидидом – утвердился характеристика первого демагога. Это – политическая характеристика: Клеон мог убеждать демос, его избирали стратегом. Гипербол был последователем Клеона; его считали даже его учеником, хотя и никогда не называли демагогом. Но различие между ними было. И различие – не только в том, что Клеон имел определенную сплоченную группу сторонников, а Гипербол апеллировал ко всем афинянам⁵⁹. Различие заключалось в том, что современники (Фукидид, комедиографы) прежде всего оценивали его человеческие качества, причем

⁵⁹ На это указывает У. Коппор (op. cit., p. 84, 136).

характеризовался он именно как «человек негодный»⁶⁰. Моральное осуждение взяло верх над политической оценкой⁶¹. Это случилось, очевидно, потому, что сам политик не хотел укладываться в прежнюю политическую этику: он мог быть и сикофантом, и священным посланцем одновременно, не скрывая своей политической «низости». Гипербол стал первым «негодяем» на афинской политической сцене. Совершенно беспринципный, но талантливый Алкивиад не мог с ним в этом соперничать: ведь, по мнению большинства афинян, успех оправдывал многое.

Гипербол пытался втиснуть новые приемы и новую этику политической борьбы в старые рамки. Для него лично итог оказался плачевным, но опыт был учтен; ostracism исчез из политической практики, и афинские демагоги IV в. до н.э. действовали уже по-другому.

С.Г. Карпюк

HYPERBOLOS, «A WRETCHED MAN»

S.G. Karpyuk

The life of a well-known Athenian popular leader, whose peak of political activity fell on the time of the Peloponnesian war, attracted the attention of ancient and modern historians primarily in connection with the end of ostracism. Was the policy of Hyperbolos something really new or did he only continue the political course of Cleon? What were the relations between Hyperbolos and the Athenian *demos*?

Tradition depicts Hyperbolos as a follower of Cleon's methods, but not as a successor of his luck. According to his contemporaries, Hyperbolos was notable for his «meanness». He was blamed for sneaking (*sycophantia*), Aristophanes and Thucydides called him *μωχθηρός* («wretched», «worthless»).

All that could not but influence the attitude of the Athenian *demos* towards Hyperbolos. Hyperbolos was the «eternal second one», he was always in the shadow: Cleon shaded him in the beginning of his political career, Alcibiades did the same towards its end. During a short period of time (from 422 to 420 or 419 B.C.), when Hyperbolos was the head of the radical wing of the Athenian politicians, his aggressive foreign policy was not supported by the majority of Athenian citizens.

Hyperbolos held various posts and liturgies, but never that of a *strategos*. The Athenians gave less credence to him than to Cleon. His exile was a great surprise for Hyperbolos himself first of all. He fell a victim to a political collusion. This ostracism was condemned by the Athenian public opinion for two reasons: one of them was the «uselessness» of Hyperbolos himself, the other – that of ostracism for the solution of the main political question of the time, whether to organise or not the Sicilian expedition.

The attitude of Hyperbolos towards the Athenian *demos*, and the rules of political struggle did not differ too much from the attitude of the politicians of the earlier period. Hyperbolos was a person notable for his non-aristocratic origin, rhetoric tricks and the propaganda of expansion policy. Hyperbolos acted in quite a traditional way – through the court and the Assembly. But at the end of his life he had the possibility (even the necessity) of a direct appeal to the masses. The Athenian *ναυτικὸς ὄχλος*, so fearful for the oligarchs (Thuc. VIII. 72), concentrated on Samos, where Hyperbolos lived in exile. We have no indications that he tried to affect public sentiments of the masses (which was later done by Alcibiades). Hyperbolos remained in the old framework of political struggle; he turned out to be defenceless and was killed. Hyperbolos, the last Athenian who was exiled through the procedure of ostracism, happened to be the only ostracised person killed during his exile.

⁶⁰ Это не было характеристикой его социального происхождения; как уже отмечалось выше, Гипербол происходил из того же социального слоя, что и Никий, Клеон и другие афинские политики того времени – их родители были владельцами ремесленных мастерских, «новыми богачами». В «Мире» Аристофана «ламповщик» имеет даже скорее положительную коннотацию (Pax 680 sqq.). См. *Dover*. Op. cit. P. 96. Not. 4. По мнению Кл. Моссе, этих «новых политиков» конца V в. до н.э. можно скорее рассматривать как «управляющих» своих мастерских, нежели как «деловых людей». Политики конца V в. были больше связаны с ремесленным производством, политики IV в. – с морской торговлей и банковским делом (*Mossé Cl. La classe politique à Athènes au IVème siècle // Die Athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v. Chr. / Hrsg. von W. Eder. Stuttgart, 1995. S. 76*).

⁶¹ Конечно, к морализаторству наших источников нужно подходить с большой осторожностью, и в этом невозможно не согласиться с М. Финли (*Finley M.I. Politics in the Ancient World. Cambr., 1983. P. 55 f.*). Важен сам факт того, что морализаторство в такой степени применялось именно к Гиперболу.

Yet Hyperbolos did not receive sympathy from later tradition; for the later generations his history was only an instructive example of a «wrong» application of ostracism, upward flight and collapse of a «mean» person in politics. And a real «new politician» he was, appealing to all demos, to the Assembly, trying to introduce new methods and new morals of political struggle into the old framework. The result was deplorable for him personally, but his experience was taken into consideration: ostracism disappeared from the political life and the Athenian demagogues of the 4th century B.C. began to act differently.

© 1998 г.

БЫЛО ЛИ «ЗАВЕЩАНИЕ ЛИНГОНА» НАДПИСЬЮ НА ГРОБНИЦЕ?

Среди источников, на основе которых историки античности реконструируют различные стороны давно минувшего прошлого, надписям отводится особое место: во-первых, они принадлежат к группе так называемых синхронных памятников, привлекающих своего рода соблазном подлинности, который даже в самых скептически настроенных и «отравленных» методологической рефлексией исследователей вселяет надежду на возможность прямого и непосредственного контакта с людьми, жившими сотни и тысячи лет назад; во-вторых, даже весьма немногословные надписи (вплоть до керамических клейм) представляют собой тексты, самовыражение человеческого духа в словесной форме, т.е. в форме, максимально приближенной к способу самовыражения и самого историка. Этими – как, впрочем, и некоторыми другими, о которых не станем упоминать здесь, – причинами объясняется особенно трепетное отношение антиковедов к сокровищнице эпитафий. А среди текстов, дошедших до нас в виде надписей, найдется немало таких, которым вполне под силу поспорить за внимание ученых – будь то филологов или историков – с самыми знаменитыми произведениями античных авторов. Достаточно упомянуть хотя бы *Res gestae divi Augusti*, так называемую *Laudatio Turiae*, не говоря уже о записанных на бронзовых досках муниципальных законах из Испании.

В настоящей статье речь пойдет о документе не столь знаменитом и – скажем – положила руку на сердце – не столь значительном с общеисторической точки зрения. Однако хотелось бы надеяться, что предлагаемое вниманию читателя небольшое исследование не окажется вовсе лишним интереса.

Текст, называющийся обычно «завещание лингона» или «завещание галла», был открыт Вакернагелем в муниципальной библиотеке Базеля и в 1863 г. издан Кисслингом¹. Это был находившийся в составе рукописи X в. лист, на обеих сторонах которого оказался воспроизведен текст завещания (вернее, некоторая его часть), оставленного, как следует из его содержания, неким галло-римлянином, жившим на территории *civitas Lingonum* в первые века Римской империи. Это завещание сразу привлекло к себе внимание: Э. Хюбнер уже в 1864 г. опубликовал комментарий к нему², вскоре оно было включено в издававшийся под руководством великого Т. Моммзена корпус латинских надписей, заняв свое место в томе, включавшем надписи Трех Галлий (CIL XIII. 5708), а затем и в сборнике Г. Дессау (ILS 8379). С тех пор оно многократно воспроизводилось в хрестоматиях преимущественно юридического характера. Вместе с тем «завещание лингона», нередко использовавшееся в качестве иллюстративного материала, долгое время не было предметом специального рассмотрения. Положение изменилось в последнее время, когда этому памятнику был посвящен специальный коллоквиум, состоявшийся в Лионе в 1990 г.³ Причем при-

¹ *Kießling A. Anecdota Basileensia* I. Basel, 1863. P. 4–5.

² *Hübner E. Iscrizioni latine // Annali dell'Istituto di corrisp. archeol.* 1864. XXXVI. P. 200–216.

³ См. *Le testament du Lingon. Actes de la Journée d'Étude du 16 mai 1990 organisée au Centre d'Études Romaines et Gallo-Romaines de l'Université Lyon III / Éd. par Y. Le Bohec.* Lyon, 1991.